

ПОЭТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО, ИСТОРИЧНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО

УДК: 82-311.6

DOI: 10.31249/chel/2021.03.03

Пахсарьян Н.Т.

ИСТОРИЯ КАК РОМАН: «ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» Ж. МИШЛЕ[©]

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, natara@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется соотношение в «Истории Французской революции» Жюль Мишле документально-исторического материала и воображения, сочетание в этом труде исследовательского и художественного начал. Будучи признанным историографом романтического периода, авторитетным ученым-архивистом, метод которого высоко оценен историками школы «Анналов», Мишле одновременно был замечательным писателем, стиль и композиция сочинений которого повлияли на прозу XIX и XX вв. Увлекательность сюжета, яркость образов, умение передать живую атмосферу революционного времени позволяют увидеть в этом произведении черты романа и провести параллель с романтическим историческим романом.

Ключевые слова: история; роман; документ; легенды; стиль; образность; историография.

Поступила: 12.04.2021

Принята к печати: 31.05.2021

© Пахсарьян Н.Т., 2021

Pakhsarian N.T.

History as a novel: “History of the French Revolution” of J. Michelet©

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, natapa@mail.ru*

Abstract. The article deals with the ratio of the historical documentary material and imagination, a combination of research and artistic beginnings in the “History of the French Revolution” by Jules Michelet. Recognized as a historiographer of the romantic period, by a reputable scientist-archivist, whose method is highly appreciated by historians of the “Annals” school, Michelet was at the same time a wonderful writer. His style and composition influenced prose in the nineteenth, and twentieth centuries. The fascination of the plot, the brightness of the images, the ability to convey the lively atmosphere of the revolutionary time allows you to see in this work the features of the novel and draw a parallel with the romantic historical novel.

Keywords: history; novel; document; legends; style; imagery; historiography.

Received: 12.04.2021

Accepted: 31.05.2021

Жюль Мишле (1798–1874) понимал историю широко и создавал книги не только о различных исторических периодах и лицах. Проявляя «интерес ко всем областям исторической жизни – политической, экономической, географической, культурной» [Stanovsky, p. 60], он, кроме того, писал о животных, птицах, явлениях природы. В то же время он всегда оставался «историком власти и политики», утверждает П. Петитье [Petitier, 2019, p. X]. В справочниках и словарях, в историях французской литературы Ж. Мишле неизменно предстает как «писатель и историк» – и по праву. Еще в 1970-е гг. французский литературовед писал о нем: «Нет ничего более романтического для нас сегодня, чем сочинения Мишле» [Seebacher, p. 463]. А американский историк тогда же называл труды Мишле «историографией, объясненной через Метафору и построенной по сюжету Романа» [Уайт, с. 180].

В последние десятилетия, когда активизировался интерес к наследию французских романтиков, специалисты все отчетливее осознают, что между авторами исторических романов эпохи романтизма – Шатобрианом, Виньи, Гюго, Дюма – и теми, кого в соответствии с сегодняшними представлениями о различных типах

описания истории относят к историкам (Мишле – первый в этом ряду), не было существенного расхождения, более того, их объединяло общее стремление к синтезу историко-хроникального и художественного¹.

В то же время невозможно отрицать, что для значительного числа профессиональных историков и сегодня Ж. Мишле – «отец исторического знания», а его концепции – органическая часть современных представлений об истории. В XIX в. Мишле воспринимали по-разному: если Б. Констан восхищался историком, то Ш. Сент-Бёв даже называл его «шарлатаном», не желая принимать всерьез его исторические штудии, Г. Планш упрекал писателя за то, что «в своем страстном желании все учесть, охватить, он в конце концов теряет из виду общие идеи» [Planche, 1850, p. 16], позитивистам недоставало у Мишле «объективности», т.е. бесстрастного изложения фактов. В первой половине XX столетия «историк, довольно быстро осужденный позитивистской школой Лависса и марксистской школой Матье, не получил полномочий классика, которыми, несмотря на эволюцию знаний, обладали Фукидид или Тацит» [Viallaneix, 1975a, p. 211]. Однако к середине прошлого века отношение к нему поменялось: возникновение во Франции школы «Анналов» способствовало своеобразному «возрождению» трудов Ж. Мишле². Люсьен Февр, один из основателей школы «Анналов», в числе первых обратившийся к наследию историка, считал Мишле «творцом истории Франции» [Febvre, 2014]. Читая курс о Мишле в 1943–1944 гг. для студентов Коллеж де Франс, Л. Февр говорил о нем как о своем учителе. Конечно, Мишле в данном случае был интересен ему не только и даже не столько как автор «Истории Французской революции», но как создатель «Истории Франции» – семнадцатитомного труда, над которым автор работал 30 лет, труда, давшего возможность его современникам и последующим поколениям французов узнать свое прошлое. И Жак Ле Гофф в предисловии к IV тому Полного собрания сочинений Мишле восторгался прежде всего его работами о Средневековье, провозглашая, что «медиевист всегда должен быть

¹ См., напр., материалы коллоквиума, прошедшего в декабре 2006 г. в Крепейе: [L'Historiographie romantique, 2007].

² См. подробно: [Perini, 1994].

или стараться быть Мишле» [Le Goff, 1974, p. 63]. Однако события Революции воссоздавались Мишле как своего рода ключ и к настоящему Франции XIX в., и к ее прошлому, вполне в духе романтического историка – «пророка, предсказывающего назад» (Б. Пастернак). Сегодня ученые-историки тщательно изучают метод Мишле, спорят о его достоинствах и недостатках, а библиография работ о Мишле во Франции насчитывает большое число исследований. Среди них все более популярными оказываются те, в которых отдается должное Ж. Мишле как историку Французской революции, автору «революционного Евангелия» [Viallaneix, 1988, p. 43].

Становление Мишле-историка

Мишле много читал не только трудов историков – в частности Дж. Вико, «Новую науку» которого он перевел и опубликовал в 1827 г.¹, но и философов – Канта, Шеллинга, Гегеля, поставив перед собой задачу сочетать историю с философией и ища особый, оригинальный способ такого сочетания. На протяжении всей жизни подчеркивая важность для него идей Дж. Вико, уже в молодости, в процессе перевода книги итальянского автора Ж. Мишле не только по-своему интерпретирует его историческую концепцию, но и формирует свой стиль, «поражающий ясностью и поэтичностью» [Ferrari, p. 42]. Он «неохотно принимал мысль быть учеником кого бы то ни было, предпочитая быть последователем» [Gambogi Teixeira, 2012], равным тому, кто предшествует ему и так или иначе влияет на него. Таким был, в частности, Виктор Кузен (1792–1867) – философ, проявлявший интерес к французской истории и создававший историко-философские труды, но исходивший из концепции истории как линейной последовательности событий, что было чуждо Мишле. После издания «Краткой современной истории» (1827) Жюль Мишле был назначен профессором в Эколь Нормаль. А в 1830 г., после Июльской революции, его учителя А.-Ф. Вильмен и Ф. Гизо способствовали получению Мишле места в Националь-

¹ Хотя иные ученые упрекают Мишле в отходе от исторической концепции Вико, даже в упрощении ее (см., напр.: [Pons, 1975]), Мишле был первым, кто познакомил французов с итальянским историком и прославил его.

ном архиве. Этот пост писатель занимал с 1830 по 1852 г., уйдя в отставку после отказа присягать Луи-Наполеону.

Когда Мишле с 1845 г. начинает писать свою «проникновеннейшую из всех историй Революции» [Фюре, 1998, с. 23], он уже пользуется репутацией серьезного историка, которому подвластны разные эпохи: к этому времени он выпустил «Введение во всеобщую историю» (1831), начал работу над «Историей Франции» (1833–1867), опубликовал несколько исторических очерков в «Ревю де Дё Монд» («Мартин Лютер», 1832; «XIV век», 1834; «Тамплиеры», 1837), в 1834–1835 гг. читал лекции в Сорбонне, а с 1838 г. – в Коллеж де Франс. Тем не менее «История Французской революции» знаменует новый этап в его творчестве и новую степень зрелости его идейной и эстетической позиции.

Дитя Революции как ее историограф

Специалисты замечают, что Мишле не жил в годы, когда совершались революционные события, не был, таким образом, ее непосредственным свидетелем, он принадлежал к поколению ее детей. Однако вряд ли можно игнорировать то обстоятельство, что будущий историк вырос в атмосфере воспоминаний о революции 1789 г. Отец Мишле, романтик от революции, страстный республиканец, был непосредственным участником революционных событий, а мать водила маленького Жюля в музей фрагментов средневековых памятников, открытый Александром Ленуаром на III год Революции. Интерес к 1789–1799 гг. зародили в будущем писателе рассказы не только отца и матери, но и других свидетелей революционных дней, которых было достаточно в его окружении. Как утверждает П. Вьяллане, в воображении и памяти юного Жюля «1789 год затмевает любую другую дату национальной легенды задолго до того, как он задумывает написать историю Революции» [Viallaneix, 1988, p. 43]. С самых ранних работ Мишле проявлял не только либеральные взгляды, но и «глубокую привязанность к Французской революции», – справедливо утверждает П. Бенишу [Bénichou, 2004, p. 918]. К тому же, как романтик, он был убежден, что работа историка – это работа над своей собственной автобиографией: «Из чего же сделана история, как не из меня самого!» –

воскликнул Мишле в своем дневнике в марте 1842 г. [Michelet, 2017, p. 382].

Такому заинтересованному, личностному отношению к большой Истории безусловно способствовала культурная атмосфера романтической эпохи, когда одновременно бурно развивались и историография, и исторический роман, и драма на сюжеты из истории, когда одной из самых животрепещущих эстетических проблем стала проблема историзма. Сложная, динамическая, политически и социокультурно активная жизнь Франции XIX в. была глубинным следствием Французской революции. Не случайно о событиях 1789–1794 годов постоянно размышляли на протяжении всего столетия Шатобриан и Гюго, Стендаль и Флобер, Токвиль и Ламартин, Кинэ и Ренан.

Споры о Французской революции в период романтизма не сводились к противостоянию сторонников якобинцев и жирондистов или прогрессистов и защитников Старого режима, ностальгирующих по прошлому [Sayre, 1989, p. 71], а среди писателей-романтиков существовало, помимо консерваторов и бунтарей, довольно большое число тех, кто занимал парадоксальную позицию – политически умеренную (отвергая якобинскую диктатуру, казни на гильотине, авторитарность Горы) и одновременно социально радикальную: они выступали за утопический социализм, эгалитаризм и общее владение землей [Sayre, 1989, p. 73]. Отсюда проистекало то неприятие существующей действительности, которое встречается и у сторонников, и у противников Революции, и у тех, кто на разных этапах симпатизировал ей в разной степени. Для Мишле, как для его современников Бальзака и Гюго, поворотную роль в восприятии хода истории сыграла Июльская революция 1830 г. [Petitier, 2004, p. 7], именно тогда он приступает к написанию программного текста – «Введения во всеобщую историю», вышедшего в апреле 1831 г. Мишле постоянно размышляет не только о собственно истории, но и о методах ее изучения и изложения, о чем свидетельствуют и многочисленные заметки, написанные им в разные годы, и самый стиль работы над его историческими трудами. «Французскому Гегелю», как называл Мишле Л. Февр, важен двойной историко-философский взгляд на изучаемый материал. Не случайно он начинает свою «Историю Французской революции» с заметки о «методе и идее этой книги». Его либерализм и

любовь к демократии проявились не только в отношении к описываемым революционным событиям, но, можно сказать, и в самом способе их описания, в чутком отношении как к архивным документам, так и к живым свидетельствам, услышанным или прочитанным в воспоминаниях современников¹. При этом трактовка революционных событий у Мишле вполне самостоятельна, она, в частности, отличается от той, которую дают Э. Кине или А. де Ламартин, чем П. Вьяллане объясняет «относительный неуспех» труда Мишле в период выхода из печати [Viallaneix, 1988, p. 45]. В эпоху разочарований в Революции, когда для Шатобриана или Токвиля она означает «сумерки», мешает ясно видеть общественно-историческую перспективу, Мишле утверждает, что именно от событий 1789 г. идет свет, помогающий понять современные события [Ritz, 2018].

Первый том «Истории Французской революции», состоящий из двух книг, поступил в продажу 10 февраля 1847 г. Этому предшествовала довольно долгая и тщательная работа: с 1841 г. Мишле изучает различные источники, набрасывает общий план книги только к маю 1846 г. и пишет текст (с перерывами) с середины сентября до начала января 1847 г. Сохранились подготовительные заметки автора к своему произведению: эти семь толстых томов хранятся в Исторической библиотеке Парижа [Ritz, 2017]. Параллельно созданию этого труда Мишле пишет также книгу «Народ» и читает посвященный «духу и содержанию Революции» курс в Коллеж де Франс [Durand, 2000, p. 61]. Начало работы над произведением о Революции совпадает, таким образом, с моментом наивысшего подъема карьеры историка и его популярности. Однако в 1853 г., когда Мишле завершил седьмой том этого труда, понимая необходимость такого завершения «как свой долг республиканца» [Viallaneix, 1975b, p. 58], его положение и самоощущение было иным: разочарование в итогах революции 1848 г. сыграло в этом не последнюю роль. К тому же, уволенный из Национального архива из-за нежелания присягать правительству Луи Бонапарта, он имел меньше возможностей погружаться в документы и первоисточники. Тем не менее рефлексия над ходом и результатами Революции оставалась для него актуальной. По мнению П. Лафорга,

¹ О различных воспоминаниях о Революции см.: [Louvrier, 2007].

в 1854–1855 гг. Мишле продолжает размышлять о революции 1789–1794 гг., принявшись за труд о «другой революции, какой является Возрождение» [Laforgue, 2001, p. 197], а затем переходит к труду по «натуральной истории» – «Гора» (Montagne), само название которого, тем не менее, содержит революционный подтекст (Горой, как известно, именовалась одна из политических партий в период Революции). О том, что Мишле не перестает размышлять над смыслом и ролью Революции, свидетельствует также его предисловие к переизданию «Истории» в 1867 г.

Автор «Истории Французской революции» синтезирует в своем труде те два подхода к историографии, которые существовали в его время и которые Р. Мано вслед за самим Мишле называет аналитическим и нарративным [Mano, 2007]. Первый подход представлен работами Виктора Кузена, второй – Огюстена Тьерри. Сопоставление трудов Мишле с трудами представителей этих двух историографических школ выявляет его оригинальность. Как уточняет О. Дерюэль, если сторонники аналитического метода стремились опираться на выявление философских причин событий, а сторонники повествовательности описывали эти события, то Ж. Мишле ставит своей задачей «résurrection» – воскрешение исторической картины, причем не в линейной хронологической последовательности, а посредством «естественной» манеры письма [Déruelle, 2010, p. 49]. К характерным чертам этой манеры возможно отнести и субъективность, которую романтический историк – либерал, республиканец с четко выраженной антиклерикальной позицией – допускает в трактовке событий и фактов, однако как раз это и позволяет ему «оживлять Революцию изнутри, как бы сливаясь с ней» [Фюре, 1998, с. 25]. Тем не менее именно Мишле становится первым французским историком, в столь большой мере обращающимся к архивным документам, тщательно опирающимся на эти источники [Pia Casalena, 2020, p. 35]. Некоторые из этих документов сохранились лишь благодаря тому, что их цитировал Мишле. При этом в целом повествование «Истории Французской революции» оказывается пронизано «полифоническим лиризмом» [Viallaneix, 1975b, p. 59], позволяющим органически связать романное и историографическое начала.

Синтез документального и художественного был в той же мере свойством письма Мишле, сколько общей приметой XIX в. –

«эпохи больших синтезов» [Petitier, 1999, p. 37], но в этом синтезе была одна весьма важная черта, отличающая позицию историка от позитивистских устремлений ученых второй половины века: «отказ от устойчивой иерархии причин» [ibid., p. 34], представление о том, что отсутствие детерминированности в историческом процессе отделяет историческую науку от наук о природе [ibid., 1999, p. 37]. Возможно, следствием такого подхода стало то, что Мишле избегает канонического приема историографических трудов – насыщенности текста разного рода комментариями и примечаниями, выносимыми в постраничные сноски. О. Дерюэль трактует это как «отказ от риторической концепции главного и вспомогательного, центра и периферии» [Déruelle, 2010, p. 54]. Однако, думается, что центр в исторических трудах Мишле все же есть: для него историография невозможна без личностного начала, он противостоит тем историкам, которые стремятся очистить исторический текст от присутствия автора. Удивительное умение соединить эмоциональность, воображение с логикой и пронизательностью, с насыщенной рефлексией над историческим материалом заставляет читателей Мишле констатировать: «В этой страстной натуре скрывается редкого качества историк» [Ferey, 1900, p. 31]. Он пишет историю Революции как целостное повествование, в котором каждый яркий фрагмент вливается в общую картину народного движения, а каждый исторический персонаж отмечен сложной неоднозначностью характера. Среди других либеральных историков именно Мишле удается «отдавать преимущество социальному и духовному», одновременно «защищая ценность индивидуума» [Crossley, 1995, p. 183]. Его «народная история дает жизнь более широким свободам и универсальным политическим правам» [ibid., p. 190], чем это удавалось Тьерри или Кине, и одновременно он может быть назван «провозвестником культурной антропологии» [Viallaneix, 1975b, p. 52].

Романтическое, романное и историографическое у Мишле

Принадлежащий к поколению романтиков, ровесник Виньи, Бальзака, Дюма, Мишле, тем не менее, не был участником романтических кружков, и его нельзя причислить к ученикам Ш. Нодье или В. Гюго. Он не был так, как романтики-литераторы, увлечен

Шекспиром или немецкой романтической поэзией и прозой, не зачитывался готическими романами и не пробовал себя в этом жанре. Он формировал себя прежде всего как философ-историк. Но атмосфера романтической эпохи оказала на него большое влияние, он дышал воздухом тех же мифов, которые были в чести у писателей-романтиков – мифов о народе, о прогрессе истории, о Революции [Laforgue, 2001, p. 8]. Он один из тех, кто и сам формировал легенду о людях и событиях 1789–1794 гг. Кроме того, представление об историзме формируется у Мишле не только синхронно, но и сходно с тем, как это происходило у писателей-романтиков: как отметил П. Лафорг, в появившихся в одном году (1831) «Соборе Парижской Богородицы» В. Гюго и «Введении во всеобщую историю» Мишле содержатся близкие друг другу размышления о судьбе человечества, принявшие форму гигантской панорамы, охватывающей историю в целом, а кроме того, в них очевиден отказ от старого провиденциализма в пользу «Народа, Человека, Революции и Прогресса» [Laforgue, 2001, p. 25]. Но Мишле был близок В. Гюго не только своими идеями. Автор первого великого французского исторического романа «Собор Парижской Богородицы» писал ему в июле 1860 г.: «Люди, подобные вам, необходимы, поскольку века – это сфинксы и нужно, чтобы у них были Эдипы», считал Мишле «героем», восторгался им («Все ваши книги – это поступки. Как историк, как философ, как поэт, вы выигрываете сражения. <...>. А какой вы художник!» [Hugo, 1950, p. 340]).

Можно было бы ограничиться замечанием, что, как любое романтическое историческое сочинение, «История Французской революции» и другие труды Мишле «располагаются на границе между литературой и наукой» [Stanovsky, 2018, p. 60]. В то же время историческое воображение – мощный фактор, способствовавший развитию жанра романтического исторического романа, как ни парадоксально, внешне воспринимался Мишле весьма сдержанно. Как заметила Изабель Дюран-Ле Герн, «постоянной заботой Мишле является демонстрация фундаментального различия, которое отделяет художественный рассказ от исторического» [Durand-Le Guern, 2002, p. 160]. Это требовало от историка упорной и напряженной рефлексии над тем, каким языком следует писать исторические сочинения, чтобы они не походили на романический вымысел. По мнению П. Блюменталья, Мишле создает новый язык

исторических сочинений, причем, хотя эта новизна рождается уже в 1830-е годы, с первым томом «Истории Французской революции» в нее вносятся важные изменения [Blumental, 1994, p. 75]. Стремясь к синтезу художественности и документальности, автор «Истории Французской революции» находит особый композиционно-стилевой ритм, способный передать динамику революционных событий. «Относительная простота» структурных сцеплений отдельных сцен, отличающаяся от изысканности вольтеровских историографических сочинений [Blumental, 1994, p. 75], не свидетельствует о меньшем мастерстве Мишле, скорее – о его умении быть одновременно понятным и глубоким. Как определяет Р. Барт, «история у Мишле движется волнами, здесь все связано, но не риторически, а чем-то вроде экзистенциального tempo» [Barthes, 1995, p. 24]. В то же время он насыщает повествование яркими высказываниями-афоризмами, комментариями, отступлениями, сравнениями, несущими отпечаток личного опыта, что как будто «не соответствует правилам научной историографии» [Pia Casalena, 2020, p. 34]. Но, скорее, следует признать проницательность давнего суждения Гюстава Лансона: у Мишле «романтический метод Ламеннэ, Гюго, Ламартина больше не является только процессом художественного высказывания, он является способом [исторического. – Н.П.] познания» [Lanson, 1905, p. 12]. И все же художественное высказывание для Мишле остается важным. Не случайно он «не дает нам об исторических событиях окончательного суждения..., он заставляет нас участвовать в них, жить страстями современника. Другие знают и утверждают, он видит и чувствует» [Monod, 1923, p. 220]. Ролан Барт не случайно признавался, что он обязан Мишле «открытием привилегированного положения Истории среди наук о человеке и тому, что он открыл также власть письма – в той мере, в какой знание готово с ним согласовываться» [Барт, 2003, p. 453].

Как невозможно представить себе развитие романтического исторического романа без романтической историографии, так и невозможно понять своеобразие этой историографии без понимания присущего ей в качестве обязательного компонента художественного воображения. Полагаясь в поисках исторической реальности не только на документы, официальные источники, но и на то, что сами романтики называли «историческими анекдотами», точ-

нее и глубже передающими дух прошлого, на легенды, мифы, частные мемуарные свидетельства, наконец, на искусство и литературу ушедших эпох [Kohlhauer, 2001], романтические писатели создавали различные жанровые варианты *histoire romancée* («романизированной истории»), будь то роман, эссе или хроника. Для Шатобриана между работой историка и романиста не существовало значимого различия, Гюго и вовсе полагал, что именно пишущий художественную прозу способен уловить колорит прошлого времени. Мишле, создавая свои историографические сочинения, безусловно, находится в ряду тех писателей-романтиков, для которых в истории важна не только дотошность и объективность (хотя он и говорил в одной из своих работ, что «исторический метод часто противостоит собственно литературному искусству» [Michelet, 2008, p. 18]), а сила воображения, яркость картин и образов, создающих эффект жизненности. Ведь для Мишле «историческая правда – это жизнь как реальное качество природы» [Barthes, 1951, p. 508]¹. Мишле обладал тем даром красочного воображения исторического прошлого, который не только приводил в восхищение Дюма-романиста, но и заставлял автора «Королевы Марго», «Трех мушкетеров» называть Мишле своим учителем. В свою очередь, Мишле высоко ценил историческое воображение Дюма. Историография и роман, двигаясь навстречу друг другу с начала XIX столетия, приобрели новые качества: историография стала «принимать во внимание повседневную жизнь и менталитет, периоды большой длительности и массовые движения», а роман «обрел исторические амбиции, желая обучать и политически воспитывать народ» [Séginger, 2017, p. 72]. Опираясь на Мишле, цитируя его в своих романах, А. Дюма, Э. Сю, или Эркман-Шатриан, отдавали должное не только его истолкованию истории, но и писательскому мастерству, умению быть увлекательным. Откликаясь на переиздание «Истории Французской революции» в серии «Энциклопедия Плеяды», Ф. Ксавье писал: «Вот книга по истории, которая читается, как роман, более того – как детектив, где каждая страница содержит свое множество загадок, свой саспенс – даже если мы знаем и эту историю, и ее конец»

¹ В другой работе о Мишле Р. Барт говорит о том, что писатель был «первым из авторов Нового времени, кто смог воспеть невыразимость речи» [Barthes, 1963, p. 161].

[Xavier, 2019]. А С. Соке считает возможным сравнить эпизод взятия Бастилии у Мишле с гениально и вдохновенно написанным вестерном [Sauquet, 2016]. Согласно Ж.-П. Риу, Мишле превратил революцию 1789 г. «в новый центр тяжести национального романа» [Rioux, 2010]. В 2019 г. критик газеты «Либерасьон» М. Линдон, комментируя выход сочинения Мишле в серии «Энциклопедия Пляды», заявлял: «Будь “История Французской революции” романом, она стала бы первой версией “Отверженных”» [Lindon, 2019]. В самом деле с Гюго и другими романтиками, создававшими художественные исторические сочинения, Мишле «сближает то, что он одновременно гениальный визионер..., но в то же время популярный, доступный и читаемый многими» [Aramini, 2017, p. 75] автор.

Однако в том-то и неповторимое своеобразие этого произведения Мишле, что если его и можно назвать романом, то разве что историографическим, жанровый облик которого не вполне совпадает с *histoire romancée*. Его текст отличает не только большая точность и бережность в использовании документов революционной эпохи, внимание к строгой датировке событий, тогда как романисты видели в таком подходе чрезмерный педантизм, но и большая глубина и объемность в изображении характеров. В отличие от персонажей романтических исторических романов его героев сложно делить на контрастные группы, противостоящие друг другу как символы добра и зла. Избегая «давать обобщенные характеристики исторических персонажей» [Гордон, 2020, с. 55], Мишле создает многомерные образы Робеспьера, Дантона и других революционеров, демонстрируя разные причины их поведения, давая каждому их действию в различные моменты Революции разные оценки и побуждая читателей участвовать в осмыслении их характеров. Вряд ли можно согласиться с суждением П.Х. Хаттона, будто народные трибуны в изображении Мишле «действуют в его сочинениях скорее как символы человеческих качеств, чем как конкретные исторические личности» [Хаттон, 2003, с. 318]. Символическим в его «Истории» в конечном счете предстает прежде всего «единственный персонаж – народ» [Omodeo, 1946, p. 15], но и его образ сочетает символизм и конкретность, живую подвижность и многомерность.

Очевидна оригинальность стиля Ж. Мишле – яркого, эмоционального, сознательно дистанцирующегося от безличного типа повествования Гизо, Тьерри или Баранта. И в этом аспекте он гораздо ближе романтикам, причем не только как авторам исторических романов, но и как создателям поэтических, лирических сочинений. Специалисты не раз подчеркивали, что вопрос языка и стиля – один из важнейших для Мишле¹. П. Петитье обращает внимание на то, что историк активно влиял на писателей XIX в.: так, он раньше Г. Флобера начал использовать несобственно прямую речь для передачи мыслей исторических персонажей [Petitier, 2019, p. XII]. И хотя Флобер не упоминает в своих произведениях имя Мишле, но высоко отзывается о нем в переписке, сюжет «Саламбо» черпает из «Римской истории», описание взятия Тюильри заимствует из рассказа об этом в «Истории Французской революции»; откровенный поклонник Мишле А. Дюма широко обращается к его книгам, особенно в романах «Анж Питу» и «Графиня де Шарни», а в начале XX в. следы усвоения опыта Мишле-прозаика можно найти у М. Юрсенар, А. Жида и М. Пруста [Petitier, 2019, p. X–XI]. Ф. Ксавье утверждает: «Он был на самом деле одним из величайших кузнецов современной прозы и мог подчинять язык своим аффектам, голосу, придавать ему эстетический характер и заметный авторский стиль. Сартр сделал его гением, Бергунью – первым прозаиком своего века, Барт подчеркнул неординарный характер его письма, Клод Симон допускает плагиат из него в “Георгиках”...» [Xavier, 2019]. Так оказывается, что «История Французской революции», помимо своего историографического значения, несет в себе плодотворные поэтологические черты, по-своему, но интенсивно осваиваемые и порой присваиваемые современной романной прозой.

Список литературы

- Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
- Гордон А.В.* Историзм Жюль Мишле // Диалог со временем. – 2020. – Вып. 72. – С. 49–63.

¹ См., напр.: [Gambogi Teixeira, 2012].

- Yaym X.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. (1973). – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 327 с.
- Юре Ф.* Постигание Французской Революции. – Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 1998. – 218 с.
- Хаттон П.Х.* История как искусство памяти. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2003. – 422 с.
- Aramini A.* La philosophie de la nation chez Jules Michelet // Archives de philosophie. – 2017. – N 1, T. 80. – P. 75–97.
- Barthes R.* Michelet (1954). – Paris : Seuil, 1995. – 190 p.
- Barthes R.* Michelet, l'Histoire et la Mort // Esprit. Nouvelle série. – 1951. – N 178 (4). – P. 497–511.
- Barthes R.* Michelet par lui-même. – Paris : Seuil, 1963. – 192 p.
- Bénichou P.* Romantismes français : en 2 v. – Paris : Gallimard, 2004. – Vol. 1: Le Temps des prophètes. – 1977 p.
- Blumental P.* Michelet, un nouveau langage de l'histoire // Romantisme. – 1994. – N 86. – P. 73–88.
- Crossley C.* L'Histoire romantique comme support du sens : l'exemple des libéraux // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. – 1995. – N 47. – P. 177–192.
- Déruelle A.* Changer de rythme : note et digression (Histoire de la Révolution) // Michelet, rythme de la prose, rythme de l'histoire / éd. de P. Petitier. – Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2010. – P. 49–58.
- Durand J.-F.* Refonder la cité. La Problématique du lien social dans les cours de Michelet au Collège de France, (1847–1848) // Rythmes, Histoire, littérature / éd. de M. Blaise, A. Vaillant. – Montpellier : Presses univ. de Méditerranée, 2000. – P. 61–80.
- Durand-Le Guern I.* Histoire sous contrat chez les romantiques // Littératures sous contrat / éd. de Bouju E. – Rennes : Presses univ. de Rennes, 2002. – P. 157–166.
- Febvre L.* Michelet, créateur de l'histoire de France. Cours au Collège de France, 1943–1944. – Paris : Vuibert, 2014. – 445 p.
- Ferey A.* Jules Michelet et Hippolyte Taine. Mémoires, 1898–1908. – Paris : Société d'imprimerie et de librairie, 1900. – 96 p.
- Ferrari J.* Vico et l'Italie. – Paris : Eveyard, 1841. – 480 p.
- Gambogi Teixeira L.J.* Michelet – premiers mots // Le V Congrès de la SERD. Le XIX siècle et ses langues, 24–26 janvier 2012. – URL: <https://serd.hypotheses.org/files/2017/02/Langues-Teixera.pdf> (accessed 12.04.2021)
- Hugo V.* Oeuvres complètes. – Paris : Ollendorf : Albin Michel, 1950. – Vol. 42 : Correspondance, T. 2. – 617 p.
- Kohlhauer M.* La part de l'histoire : romantisme, relativisme // Romantisme. – 2001. – Vol. 31, N 114. – P. 5–29.
- Laforgue P.* Romanticoco. Fantaisie, chimère et mélancolie, (1830–1860) [livre électronique]. – Saint Denis : Presses univ. De Vincennes, 2001. – 246 p. – URL: <https://books.openedition.org/puv/471> (accessed 12.04.2021).
- Lanson G.* La formation de la méthode historique de Michelet // Revue d'histoire moderne et contemporaine. – 1905. – T. 7, N 1. – P. 5–31.

- Le Goff J.* Préface // Michelet J. Oeuvres complètes / éd. par P. Viallaneix. – Paris : Flammarion, 1974. – T. 4. – P. 45–63.
- L'Historiographie romantique* / dir. de F. Claudon, A. Encrevé, L. Richer. – Paris : Editions Brière, 2007. – 285 p.
- Lindon M.* Michelet, l'as des piques. Nouvelle édition Pléiade de sa «Révolution» // Libération. – 2019. – 1.03. – URL:https://www.liberation.fr/livres/2019/03/01/michelet-l-as-des-piques_1712457/ (accessed 12.04.2021)
- Louvier J.* Mémoires et miroirs de la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française. – 2007. – N 348. – P. 243–246.
- Mano R.* Considérations historiographiques sur l'oeuvre de Michelet // Hersetec. International Conference Series. Nagoya University. – 2007. – N 13. – URL: https://www.gcoe.lit.nagoya-u.ac.jp/eng/result/pdf/11_MANO.pdf (accessed 12.04.2021)
- Michelet J.* Journal / éd. P. Viallaneix, C. Digeon. – Paris : Gallimard, 2017. – 1144 p.
- Michelet J.* Préface à l'Histoire de France (1869) // Michelet J. Oeuvres complètes / éd. P. Viallaneix. – Paris : Flammarion, 2008. – Vol. 4. – P. 9–28.
- Monod G.* La vie et la pensée de Jules Michelet : en 2 vol. – Paris : Champion, 1923. – Vol. 2. – 262 p.
- Omodeo A.* Metodo dialettico e metodo naturalistico nella storia // Quaderni della critica. – 1946. – N 4. – P. 11–17.
- Perini L.* Lucien Febvre et la renaissance de Jules Michelet // Revue européenne des sciences sociales. – 1994. – T. 32, N 98. – P. 177–187.
- Petitier P.* L'histoire romantique, l'encyclopédie et moi // Romantisme. – 1999. – N 104. – P. 27–37.
- Petitier P.* 1830 ou les métamorphoses du centre (Michelet, Balzac, Hugo) // Romantisme. – 2004. – N 123. – P. 7–20.
- Petitier P.* Introduction // Michelet J. Histoire de la Révolution française : en 2 vol. – Paris : Gallimard, 2019. – P. IX–LXI.
- Pia Casalena M.* Un Michelet italien, populaire et illustré. La traduction de l'Histoire de la Révolution en 1898 // Revue germanique internationale. – 2020. – N 32. – P. 33–44.
- Planche G.* Une nouvelle histoire de la Révolution française, de M. Michelet // Revue de deux mondes. – 1850. – T. 5. – P. 2–24.
- Pons A.* De la «nature commune des nations» au Peuple romantique. Note sur Vico et Michelet // Romantisme. – 1975. – N 9. – P. 39–49.
- Rioux J.-P.* Existe-t-il encore une histoire entre nous ou perdons-nous notre mémoire commune? // Canal Académie. – 2010. – URL: <https://www.canalacademies.com/emissions/au-fil-des-pages/existe-il-encore-une-histoire-entre-nous-ou-perdons-nous-notre-memoire-commune> (accessed 12.04.2021)
- Ritz O.* L'avenir d'une révolution : quand les historiens écrivent au futur, (1789–1847) // Le XIX siècle au futur. Penser, représenter, rêver l'avenir au XIX siècle. Actes du VII Congrès de la SERD. – Paris, 2018. – URL: <https://serd.hypotheses.org/1815> (accessed 12.04.2021). – Доклад прочитан на 7-м конгрессе SERD, январь 2016 г.
- Ritz O.* Dans les petits papiers de Michelet // Littérature et révolution. Cahiers de recherches d'Olivier Ritz. – 2017. – URL: <https://litrev.hypotheses.org/768> (accessed 12.04.2021)

- Sauquet S. Comment la prise de la Bastille est-elle racontée par Jules Michelet ? // Un texte un jour. – 2016. – 14.07. – URL: <http://untexteunjour.fr/2016/07/14/comment-la-prise-de-la-bastille-est-elle-racontee-par-jules-michelet/> (accessed 12.04.2021)
- Sayre R., Lōwy M. Utopie romantique et Révolution Française // L'Homme et la société. – 1989. – N 94. – P. 71–81.
- Seebacher J. Michelet // Histoire littéraire de la France : en 6 vol. – Paris : Editions sociales, 1973. – Vol. 4, P. 2. – 1260 p.
- Séginger G. Littérature et savoirs scientifiques au XIX siècle // Littera. Revue de langue et littérature françaises. – 2017. – Vol. 1. – P. 68–72.
- Stanovsky J. Tableau de la France de Jules Michelet : espace géographique, historique ou politique? // Echo des études romanes. – 2018. – Vol. 14, N 1/2. – P. 59–69.
- Viallaneix P. Dossier bibliographique // Romantisme. – 1975a. – N 10: Michelet cent ans après. – P. 209–218.
- Viallaneix P. Les silences de l'histoire // Romantisme. – 1975b. – N 10. – P. 49–61.
- Viallaneix P. Jules Michelet, évangéliste de la Révolution française/Jules Michelet, Evangeliste of the French Revolution // Archives de sciences sociales des religions. – 1988. – N 66/1. – P. 43–51.
- Xavier F. Mais quelle histoire, cette Révolution française! // L'internaute : salon littéraire [ressource électronique]. – 2019. – 12.02. – URL: <http://salon-litteraire.linternaute.com/fr/jules-michelet/review/1948557-mais-quelle-histoire-cette-revolution-francaise> (accessed 12.04.2021)

References

- Bart, R. (2003). *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury*. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh.
- Gordon, A.V. (2020). Istorizm Zhjulja Mishle. *Dialog so vremenem*, 72, 49–63.
- Uajt, X. (2002). *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta.
- Fyure, F. (1998). *Postizhenie Francuzskoj Revolyucii*. Saint-Petersburg: INAPRESS.
- Xatton, P.X. (2003). *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Vladimir Dal'».
- Aramini, A. (2017). La philosophie de la nation chez Jules Michelet. *Archives de Philosophie*, 80(1), 75–97.
- Barthes, R. (1995). *Michelet*. – Paris: Seuil. (Original work published 1954)
- Barthes, R. (1951). Michelet, l'Histoire et la Mort. *Esprit. Nouvelle série*, 178(4), 497–511.
- Barthes, R. (1963). *Michelet par lui-même*. Paris: Seuil.
- Bénichou, P. (2004). Le Temps des prophètes. In P. Bénichou, *Romantismes français* (Vol. 1). Paris: Gallimard.
- Blumental, P. (1994). Michelet, un nouveau langage de l'histoire. *Romantisme*, 86, 73–88.
- Crossley, C. (1995). L'Histoire romantique comme support du sens : l'exemple des libéraux. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 47, 177–192.

- Déruelle, A. (2010). Changer de rythme: note et digression (Histoire de la Révolution). In P. Petitier (Ed.), *Michelet, rythme de la prose, rythme de l'histoire* (pp. 49–58). Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion.
- Durand, J.-F. (2000). Refonder la cité. La Problématique du lien social dans les cours de Michelet au Collège de France (1847–1848). In M. Blaise & A. Vaillant (Eds.), *Rythmes, Histoire, littérature* (pp. 61–80). Montpellier: Presses univ. de Méditerranée.
- Durand-Le Guern, I. (2002). Histoire sous contrat chez les romantiques. In E. Bouju (Éd.), *Littératures sous contrat* (pp. 157–166). Rennes : Presses univ. de Rennes.
- Febvre, L. (2014). *Michelet, créateur de l'histoire de France. Cours au Collège de France, 1943–1944*. Paris: Vuibert.
- Ferey, A. (1900). *Jules Michelet et Hippolyte Taine. Mémoires. 1898–1908*. Paris: Société d'imprimerie et de librairie.
- Ferrari, J. (1841). *Vico et l'Italie*. Paris: Eveyard.
- Gambogi Teixeira, L.J. (2012, janvier). *Michelet – premiers mots*. Paper presented at the V Congress of La SERD. *Le XIX siècle et ses langues*. Retrieved from <https://serd.hypotheses.org/files/2017/02/Langues-Teixera.pdf>
- Hugo, V. (1950). *Oeuvres complètes* (Vol. 42: Correspondance, T. 2). Paris: Ollendorf, Albin Michel.
- Kohlhauer, M. (2001). La part de l'histoire: Romantisme, relativisme. *Romantisme*, 31 (114), 5–29.
- Laforgue, P. (2001). *Romanticoco. Fantaisie, chimère et mélancolie (1830–1860)*. Retrieved from <http://books.openedition.org/puv/471>
- Lanson, G. (1905). La formation de la méthode historique de Michelet. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 7(1), 5–31.
- Le Goff, J. (1974). Préface. In J. Michelet, *Oeuvres complètes* (Vol. 4, pp. 45–63). Paris: Flammarion.
- Claudon, F., Encrevé, A., & Richer L. (Eds.). (2007). *L'Historiographie romantique*. Paris: Editions Brière.
- Lindon, M. (2019, March 1). Michelet, l'as des piques. Nouvelle édition Pléiade de sa «Révolution». *Libération*. Retrieved from next.liberation.fr/livres/2019/03/01/Michelet,l'as-des-piques_1712457
- Louvrier, J. (2007). Mémoires et miroirs de la Révolution française. *Annales historiques de la Révolution française*, 348, 243–246.
- Mano, R. (2007). Considérations historiographiques sur l'oeuvre de Michelet. *Hersetec. International Conference Series*, (13). Retrieved from gcoe.lit.nagoya-u.ac.jp/eng/result/pdf/11_MANO.pdf
- Michelet, J. (2017). *Journal* (P. Viallaneix & C. Digeon, Eds.). Paris: Gallimard.
- Michelet, J. (2008). Préface à l'Histoire de France (1869). In J. Michelet, *Oeuvres complètes* (Vol. 4, pp. 9–28). Paris: Flammarion.
- Monod, G. (1923). *La vie et la pensée de Jules Michelet*. (Vol. 2). Paris: Champion.
- Omodeo, A. (1946). Metodo dialettico e metodo naturalistico nella storia. *Quaderni della Critica*, (4), 11–17.
- Perini, L. (1994). Lucien Febvre et la renaissance de Jules Michelet. *Revue européenne des sciences sociales*, 32(98), 177–187.

- Petitier, P. (1999). L'histoire romantique, l'encyclopédie et moi. *Romantisme*, 104, 27–37.
- Petitier, P. (2004). 1830 ou les métamorphoses du centre (Michelet, Balzac, Hugo). *Romantisme*, 123, 7–20.
- Petitier, P. (2019). Introduction. In J. Michelet, *Histoire de la Révolution française*. (Vol. 1, pp. IX–LXI). Paris: Gallimard.
- Pia Casalena, M. (2020). Un Michelet italien, populaire et illustré. La traduction de l'Histoire de la Révolution en 1898. *Revue germanique internationale*, 32, 33–44.
- Planche, G. (1850). Une nouvelle histoire de la Révolution française, de M. Michelet. *Revue de deux mondes*, 5, 2–24.
- Pons, A. (1975). De la « nature commune des nations » au Peuple romantique. Note sur Vico et Michelet. *Romantisme*, 9, 39–49.
- Rioux, J.-P. (2010). Existe-t-il encore une histoire entre nous ou perdons-nous notre mémoire commune? Retrieved from <https://www.canalacademies.com/emissions/au-fil-des-pages/existe-il-encore-une-histoire-entre-nous-ou-perdons-nous-notre-memoire-commune>
- Ritz, O. (2016, January). L'avenir d'une révolution : quand les historiens écrivent au futur, (1789–1847). In *Le XIXe siècle face au futur. Penser, représenter, rêver l'avenir au XIXe siècle*. Actes du 7e Congrès de la SERD, Paris. Retrieved from <https://serd.hypotheses.org/1815>
- Ritz, O. (2017, June 21). Dans les petits papiers de Michelet. In O. Ritz, *Littérature et révolution. Cahiers de recherches d'Olivier Ritz*. Retrieved from <https://litrev.hypotheses.org/768>
- Sauquet, S. (2016, July 14). Comment la prise de la Bastille est-elle racontée par Jules Michelet? Retrieved from <http://untexteunjour.fr/2016/07/14/comment-la-prise-de-la-bastille-est-elle-racontee-par-jules-michelet/>
- Sayre, R., Lôwy, M. (1989). Utopie romantique et Révolution Française. *L'Homme et la société* 94, 71–81.
- Seebacher, J. (1973). Michelet. In *Histoire littéraire de la France*. (Vol. 4, Part 2). Paris: Editions sociales.
- Séginger, G. (2017). Littérature et savoirs scientifiques au XIX siècle. *Littera. Revue de langue et littérature françaises*, 1, 68–72.
- Stanovsky, J. (2018). Tableau de la France de Jules Michelet : espace géographique, historique ou politique? *Echo des études romanes*, 14(1–2), 59–69.
- Viallaneix, P. (1975a). Dossier bibliographique. *Romantisme*, 10, 209–218.
- Viallaneix, P. (1975b). Les silences de l'histoire. *Romantisme*, 10, 49–61.
- Viallaneix, P. (1988). Jules Michelet, évangéliste de la Révolution française/Jules Michelet, Evangeliste of the French Revolution. *Archives de sciences sociales des religions*, 66(1), 43–51.
- Xavier, F. (2019). *Mais quelle histoire, cette Révolution française!* Retrieved from salon-litteraire.linternaute.com/fr/jules-michelet/review/1948557-mais-quele-histoire-cette-revelation-francaise